Морской библиотеке от автора с уважением 08.09.2012 С. Аксентьев

Сергей АКСЕНТЬЕВ

Указующий перст Евпатории

На пологом песчаном мысу в западной части города-курорта Евпатория высится пятидесятидвухметровая башня маяка. Для лучшей наблюдаемости с моря устремлённый в зенит железобетонный перст, увенчанный стеклянным фонарным отсеком, раскрашен чередующимися красными и белыми поперечными полосами. Маяк не только ориентир судам, следующим в евпаторийский порт, но и ограждающий знак мелководного каменного рифа, простирающегося от мыса Евпаторийский до мыса Карантинный — северо-западной оконечности Каламитского залива.

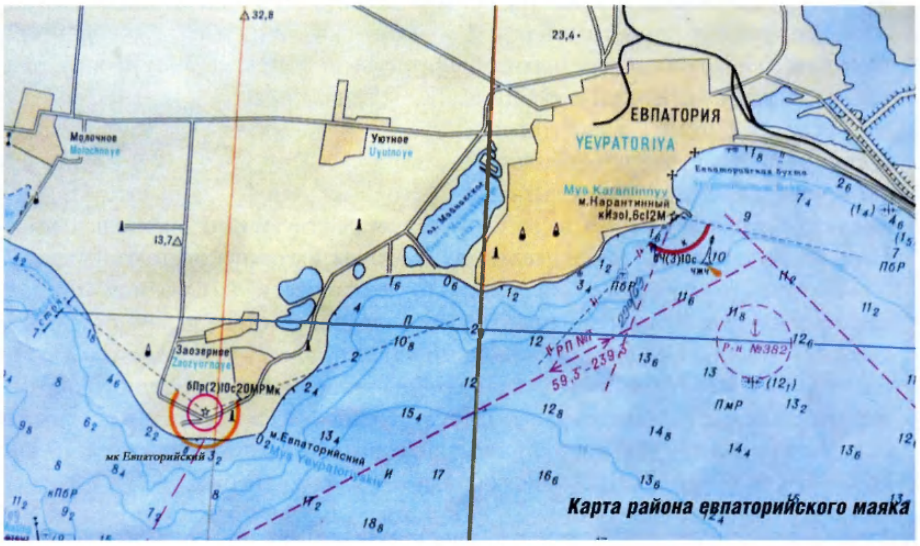
Коварная Керкинитида

В начале IV в. до н.э. греки — херсонеситы,— подчинив себе Керкинитиду (с VIII в. н.э. — Гезлёв, с 1783 г. — Евпатория), на многие века предопределили ей статус главного крымского порта сельскохозяйственной торговли солью, хлебом, салом, кожами. В пору расцвета парусного флота осенние ярмарки собирали на рейд обширной евпаторийской бухты до 150 судов под флагами многих стран Чёрного и Средиземного морей. Но уже первые мореходы сполна познали капризный характер Керкинитиды. При свежих ветрах суда часто срывало с якорей, а внезапно налетавшие жестокие штормы, играючи выбрасывали на берег и скалы рифа корабли, гружённые купеческим добром.

2(14) ноября 1854 г., во время Крымской войны, небывалой силы ураган, накрывший полуостров, только на Евпаторийском рейде погубил более двух десятков кораблей коалиционного флота. Море поглотило посланные десантному корпусу союзников запасы зимней одежды и медикаментов. В районе Кара-Тебе-Оба (нынешний посёлок Прибрежное, район Саки) выбросило на берег французский стопушечный линейный корабль «Генрих IV». На скалах Евпаторийского рифа в щепки измолотило турецкий девяностопушечный линейный корабль «Пеики-Мессерет». Британский морской офицер в письме на родину с содроганием рассказывал о пережитом: *«Представьте себе страшный ветер, потоки дождя, наводняющие атмосферу; частый град, с ожесточением ударяющий во всё, что встречает на пути, и наконец, взволнованное море, валы которого равняются горам, и вы будете иметь ещё не полное понятие об ужасном урагане»*. Историки приравнивают потери противника от разыгравшейся у берегов Крыма стихии к поражению в крупном морском сражении. Император Николай I, узнав о крымской катастрофе, писал 19 ноября 1854 г. главнокомандующему русскими войсками в Крыму князю Меншикову: *«Спасибо буре, она услужила нам хорошо, желательно бы ещё такой!»*...

Здесь нужен маяк!

Впервые всерьёз о необходимости маяка на евпаторийском мысу заговорили в начале XIX в. По предложению главного командира Черноморского флота адмирала И.И. Траверсе 4 мая 1803 г. Адмиралтейств-коллегия приняла решение о строительстве в Кезлёве каменного дневного маяка, но начавшаяся полоса войн с Персией (1803–1813), Францией (1804–1807), Турцией (1808–1812) и Англией (1807–1812), а затем Наполеоновское нашествие не позволили реализовать задуманное. К середине XIX в. район евпаторийской бухты и прилегавших

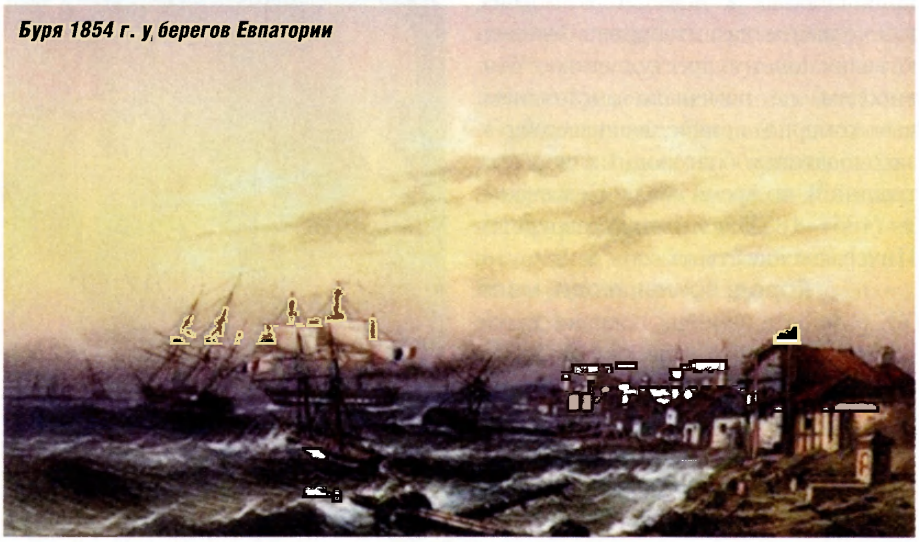


Карта района евпаторийского маяка

к ней западных мысов считался одним из самых опасных на всём крымском побережье. Ежегодные катастрофы (в иные годы до десятка судов) требовали принятия неотлагательных мер. И опять помешала война. 1 сентября 1854 г. более сотни неприятельских кораблей вошли и стали на якоря в евпаторийской бухте. Гребная шлюпка доставила на берег двух штаб-офицеров английского и французского флотов. Там парламентёры через переводчика передали на имя коменданта порта гербовую бумагу, извещавшую: *«...так как Евпатория город обезоруженный»*, то они объявляют, что, *«не намереваясь причинить какой-либо вред, имеют только вступить и занять его своими войсками для квартирования»*. Как сообщают архивы, на это требование *«исполняющий должность коменданта города Евпатории майор Броницкий возражения не сделал и предположил отступить с вверенным ему батальоном от Евпатории, к которому и карантинная стража примкнулась»*. По этому поводу британская газета The Illustrated London News писала: *«...Евпатория будет всегда притягивать к себе исторический интерес, будучи первым портом, где высадились войска. ...Было бы желательно, заняв Евпаторию, впоследствии из неё получать поставки»*. Высадив на берег армию (62 тыс. солдат, 134 полевых и 73 осадных орудий), союзники двинулись к реке Альма, где 20 сентября в ожесточённом бою нанесли первое крупное поражение российским войскам. Так началась знаменитая Крымская военная кампания (1854–1855), стоившая России жизней выдающихся флотоводцев П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, десятков тысяч солдат, матросов, офицеров, практическому уничтожению города Севастополя и потери большей части кораблей Черноморского флота...

Вскоре после завершения военных действий и подписания Парижского мирного договора (18 (30) марта 1856 г.), лишавшего Россию права содержать в Чёрном море военный флот, купцы Евпаторийского общества пароходства и торговли обратились с челобитной о строительстве маяка к начальнику Гидрографического департамента. Питерские морские чиновники, представляя Крым как рай земной, где всегда тепло и светит солнце, а море сплошная лазурь — ничтоже сумняще-ся в конце 1859 г. закупили в Англии типовую каркасную металлическую башню. Представляла она собой четыре железных стойки, связанных диагональными раскосинами с четырьмя открытыми промежуточными площадками и восьмигранным фонарным сооружением, увенчанным медным куполом. Нижняя часть каркаса, обшитая досками, служила хозяйственным отсеком. Во Франции приобрели катодиоптрический светооптический аппарат (преломляющая оптическая система с рефлекторами — отражателями) с лампой Арганда, работавшей на сурепном масле. И уже 1 августа 1861 г. маяк высотой 15 м начал действовать. Светил он постоянным белым огнём с проблесками через каждую минуту. Огонь маяка в безоблачные ночи отчётливо наблюдался с палуб кораблей на удалении 8,5 морских миль. Рядом с башней для маячников построили жилой дом и службы, хранилища продовольствия и топлива. Маячный городок обнесли прочной каменной оградой. Мера нелишняя, поскольку в ту пору на многие мили окрест не было жилья, а по ночам в степях промышляли бандитские шайки.

В конце 1870-х гг. на маяке поселился приехавший в Крым из Средней Азии известный естествоиспытатель и историк В.Г. Пьянков. Здесь он начал проводить регулярные метеонаблюдения, обучая вахтенных премудростям измерения температуры, давления, влажности воздуха, силы и направления ветра, количества осадков и интенсивности испарения. Результаты учёный тщательно обрабатывал, анализировал и издавал небольшими брошюрами, позднее объединив их в книгу «Климат Евпатории. 1891–1902», сразу же ставшую библиографической редкостью.

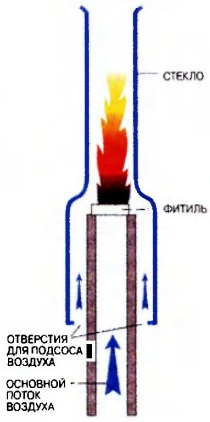


Буря 1854 г. у берегов Евпатории

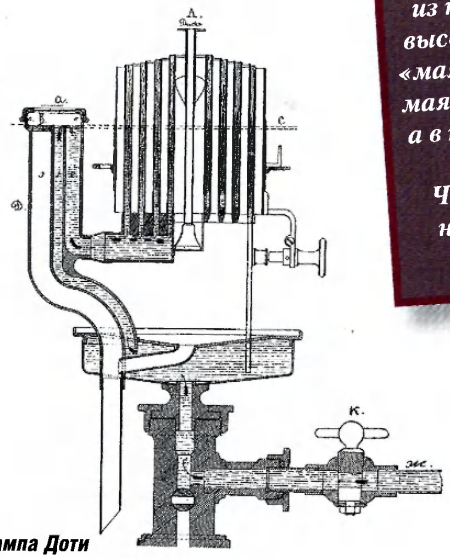
Нет предела совершенству

Однако вскоре стало ясно, что наспех закупленные за границей маячная башня и оптическая система не годятся для евпаторийских условий. В жаркие летние дни металл раскалялся до невозможности, песок, подхваченный ветром, набивался во все щели, портил дорогостоящие приборы и оборудование, а осенью и зимой пронзительные затяжные норды с дождём и мокрым снегом превращали подъём в фонарный отсек по крутым металлическим трапам в пытку. Много проблем создавала и лампа Арганда. Сурепное масло летом разжижалось и текло, как вода, а зимой застывало, и огонь часто гас. Кроме того, оказалось, что огни Евпаторийского и Херсонесского маяков имеют одинаковую световую характеристику, и капитанам судов трудно ориентироваться. Этот недостаток устранили быстро: с 1 января 1863 г. огонь Евпаторийского маяка сделали постоянным с белыми и красными проблесками. Сложнее оказалось решить вопрос с реконструкцией маячной башни. В итоговом отчёте за 1867 г. директор Гидрографического департамента, почётный член Российской академии наук, вице-адмирал С.И. Зеленой сообщал: *«...в зимнее время правильное освещение маяка поддерживается с большим трудом, особенно тягостно*

История современного Евпаторийского маяка состоит из трёх этапов: с 1861 год по 1955-й действовала башня высотой в 14 метров 30 сантиметров, с 1955-го по 1970-й «маячники» (так себя с гордостью именуют служащие на маяке) работали в сооружении чуть повыше (18 метров), а в последнее время над поселком Заозёрное возвышается настоящий гигант высотой 52 метра! На берегах Чёрного моря нет более высокого маяка — ни в Турции, ни в Румынии, ни в других странах. («Евпаторийская здравница», 13.08.11 г.)



Лампа Арганда



Лампа Доти

переменять лампы во время сильного ветра с морозом. Надобность в неоднократной перемене ламп в течение ночи есть неизбежное следствие сгущения масла при низкой температуре. Недостаток этот предполагается устранить при первой же возможности посредством устройства гидравлической лампы с приспособленными к ней грелками...» Но денег в тощей казне Гидрографического департамента не оказалось, и маячникам пришлось «утепляться» своими силами, обшивая башню железными листами, когда таковые оказывались на складах Дирекции маяков и лоций Чёрного и Азовского морей.

В 1871 г. масляную лампу Арганда заменили лампой Доти, использовавшей в качестве горючего незамерзающий на морозе петролеум (нефтяное масло). Изобретение американского капитана Доти (1868), хотя и избавляло от зимних хлопот с замерзающим маслом и обеспечивало по сравнению с лампой Арганда большую яркость огня, но громоздкая конструкция горелки требовала постоянного внимания к её работе. Дело в том, что малейшее снижение уровня петролеума в специальной Мариотовой вазе, куда опускался конец хлопчатобумажного фитиля, приводило к интенсивному нагарообразованию и снижению яркости пламени, а резервуар, в котором находился расходуемый запас горючего, создавал трудности в фокусировке огня в центре рефлекторов-отражателей.

Между тем, интенсивность судоходства в районе Евпатории год от года росла, и Гидрографический департамент вновь ходатайствует перед Морским министерством о выделении средств на реконструкцию маяка. Морской министр обещал помочь, но тут случилась очередная (1877–1878) Русско-турецкая война.

Вскоре после вступления России в войну (12 (24) апреля 1877 г.) крымские маяки, в том числе и Евпаторийский, погасили, чтобы неприятельские корабли не могли пользоваться огнями во время ночных переходов. А уже 27 июля 1877 г. четыре турецких корабля в течение трёх часов бомбили Евпаторию. Ещё более ожесточённому шестичасовому обстрелу город подвергся 30 декабря. Противник сумел войти в Евпаторийский порт и захватить несколько купеческих судов, гружёных солью. Интенсивной бомбардировке подвергся пограничный кордон и жилые дома города. Однако за всё время осады порта турки не произвели по маяку ни единого выстрела. Объяснение этому можно дать только одно: в те времена маяки причислялись к «святыням морей» и покушение на них приравнивалось к величайшему преступлению. Что, впрочем, не помешало англичанам, высокомерно причислявшим себя к законодателям благородных морских традиций, во время осады Севастополя (1854–1855) полностью разрушить Инкерманские створы...

Город, войны, люди, маяк

XX в. многое изменил в жизни Евпатории. Обзаводясь грязелечебницами, пансионатами, санаториями, город быстро приобретал популярность климатического курорта. В 1908 г. Евпатория вошла в число немногих российских городов, освещаемых электричеством. Первые 44 дуговых фонаря фирмы «Керинг и Метисон» зажглись вечером 10 февраля, к концу года электричеством освещались порт, городская набережная, центральные улицы, «Приморская санатория». А Евпаторийский маяк, как и в былые времена, продолжал светить морякам фитильной петролеумной лампой.

Шли годы. Оправляясь от войн и революций, расширялась и благоустраивалась Евпатория. Рос и развивался морской порт. Лишь маячная башня, ветшая и разрушаясь, молчаливо сносила людскую несправедливость. Косметические ремонты, случавшиеся время от времени к юбилеям и важным политическим датам, не спасали положения. К началу Великой Отечественной войны, изъеденная коррозией конструкция стала опасной для эксплуатации, и нижнюю часть башни облицевали кирпичом. Навигационное оборудование пополнили радиомаяком, а петролеумную лампу Доти заменили более совершенной керосинокалильной установкой, увеличив яркость огня.

Первая и вторая башни

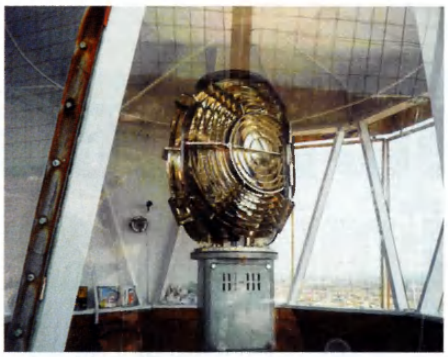
...Около трёх часов ночи 22 июня 1941 г. посты наблюдения Евпаторийского маяка и мыса Сарыч сообщили оперативному дежурному штаба Черноморского флота, что отчётливо слышат гул моторов множества самолётов, идущих на Севастополь. Так началась новая кровопролитная война. По условиям военного времени маяк перевели на особый (манипуляторный) режим работы с включением огня по приказанию штаба на строго определённый срок. Пост наблюдения, возглавляемый смотрителем маяка Тимофеем Евменовичем Кукурузой, вёл непрерывное слежение за воздухом, побережьем и минной обстановкой в указанном секторе моря. С первых дней обороны башня не раз подвергалась бомбардировке и обстрелу, но, едва утихал бой, маячники устраняли повреждения, и огонь продолжал светить нашим боевым кораблям. К октябрю обстановка стала критической. На маяк поступило приказание демонтировать оптику и ценное оборудование, надёжно упаковать и с первой морской оказией убыть в Севастополь. 31 октября 1941 г. в Евпаторию вошли гитлеровцы, превратившие замечательные евпаторийские пляжи в минные поля, обнесённые колючей проволокой.

Строительство новой маячной башни в 1970 г.

Освобождение пришло 13 апреля 1944 г.

Полуразрушенная маячная башня представляла жалкий вид. Все строения городка лежали в руинах. Восстанавливатьмаячноехозяйствопришлось новому поколению маячников — Ивану Григорьевичу Сарьяну, Михаилу Михайловичу Агапову и Григорию Антоновичу Антипову. Первостепенной задачей являлось обеспечение навигационной безопасности ночного судоходства и противоминного траления в районе Евпатории. Поэтому к возведению жилья и хозяйственных служб приступили лишь после того, как, восстановив маячную башню, зажгли огонь. Весь быт маячников в это время состоял из нескольких палаток, полевой кухни и бочки с питьевой водой. Лишь в 1955 г. рядом с ветераном построили новый кирпичный восьмигранный двадцатиметровый маяк с дальностью видимости электрического огня 13 миль. Но город быстро рос. Многоэтажные санатории и жилые дома прибрежной полосы мешали надёжному гидрографическому обеспечению мореплавания. Военные строители в 1970 г. рядом с действующей башней возвели пятидесятидвухметровую железобетонную, а гидрографы оснастили её современным светотехническим оборудованием. Сегодня дальность видимости белого проблескового Евпаторийского огня составляет 20 миль, а его радиопозывные «ЕЯ» (• • — • —) штурманы кораблей отчётливо слышат с расстояния 150 миль от родного порта.

...В мире нет двух похожих маяков, каждый из них, являя пример пытливой инженерной мысли, строится по особому проекту применительно к техническим задачам, местным условиям и технологиям своего времени.



Фонарь евпаторийского маяка

Вход в фонарное сооружение

Аппаратура включения огня

Во всех цивилизованных странах, понимая уникальность таких сооружений, отслужившие башни превращают в музеи, рассказывающие многочисленным туристам об истории мореплавания, маячного дела, славных и трагических событиях жизни маяков и их обитателей. У нас же отслужившие евпаторийские маячные башни... взорвали, видно посчитав, что ни нынешним, ни будущим поколениям совсем не интересно знать многовековую морскую историю своего государства... ТМ